

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЕЙНСА

А. П. Портанский,

кандидат экономических наук, профессор факультета мировой экономики
и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник

Национального исследовательского института мировой экономики

и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Москва; e-mail: portanskiy@gmail.com

В рецензии рассматривается недавно вышедшая в издательстве «Пальмира» книга журналиста и писателя Андрея Остальского «Спаситель капитализма. Джон Мейнард Кейнс и его крест». Особенность книги состоит в том, что она рассчитана прежде всего на массового читателя. Автор не конкурирует с десятками исследований о великом экономисте, написанными профессионалами и, как правило, для профессионалов, а пытается доступно и увлекательно рассказать читателю, даже не имеющему экономического образования, и о сути кейнсианства, и о его критиках и ниспровергателях, и о том месте, которое занимает в современной борьбе идей теоретическое наследие Дж. М. Кейнса. По мнению рецензента, А. Остальскому удалось достойно справиться с поставленной задачей, и его «Спаситель капитализма» непременно найдет своего заинтересованного читателя.

This review deals with new book of journalist and writer Andrei Ostalski «The Saviour of Capitalism. John Maynard Keynes and His Cross» published by *Palmira publishing house*. The book is intended primarily for the mass reader. The author does not compete with the dozens of studies on great economist written by professionals and designed for professionals. He tries in simple words and a fun way to provide the reader without economic background with the essence of Keynesian theory, with its critics and antagonists, as well as with the place that theoretical heritage of John Maynard Keynes takes in the contemporary battle of ideas. The reviewer believe that A. Ostalski successfully coped with the task and his book certainly will find its reader.

Ключевые слова: Кейнс; Фридмен; эффективный спрос; Великая депрессия; «Новый курс»; МВФ.

Key words: Keynes; Friedman; effective demand; Great Depression; New Deal; IMF.

УДК 330.8

Кейнс вернулся – к такому выводу приходят сегодня многие экономисты на Западе, вкладывая в это разный смысл: кто положительный, а кто и сугубо отрицательный, в зависимости от позиции и принадлежности к той или иной школе. Но мало кто станет отрицать, что после жестокого кризиса 2008–2009 гг. наследие британского экономиста, скончавшегося более 70 лет назад, вновь оказалось в центре споров о путях развития мировой экономики.

В западных странах этот спор идет не только на страницах научных трудов и специализированных журналов, но и регулярно выплескивается в общее информационное пространство – в традиционные СМИ и в социальные сети. Между тем в России за пределами круга профессиональных экономистов о Кейнсе знают крайне мало. А среди тех, кто что-то о нем слышал, господствует мнение, что кейнсианство – это некий квазисоциализм, причем устаревший.

Живущий ныне в Лондоне российский журналист и писатель, популяризатор экономических знаний Андрей Остальский попытался заполнить этот пробел и заодно развеять миф о «социализме» Кейнса в недавно вышедшей в издательстве

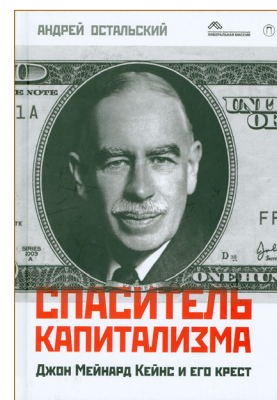
«Пальмира» книге «Спаситель капитализма. Джон Мейнард Кейнс и его крест»¹.

В прошлом известный журналист А. Остальский работал в «Известиях», затем много лет на Би-би-си, в том числе главным редактором «Русской службы», также тесно сотрудничал в разные периоды с лондонской «Файнэншл таймс» и российскими «Ведомостями». В последнее время А. Остальский издал несколько научно-популярных книг. Его «Краткая история денег» и «Нефть. Чудовище и сокровище» входили в шорт-листы премии «Просветитель» и неоднократно переиздавались.

Взявшись за новый труд, автор поставил перед собой задачу просто, доступно и увлекательно рассказать широкой публике и о сути кейнсианства, и о его критиках и ниспровергателях, и о том месте, которое занимает в современной борьбе идей теоретическое наследие Джона Мейнарда Кейнса.

Ключевая отстаиваемая автором мысль состоит в том, что главная концепция Кейнса – так называемый эффективный спрос – по сути своей абсолютно рыночная, капиталистическая. Ничего общего с социализмом, с огосударствлением средств произ-

¹ Остальский А. Спаситель капитализма. Джон Мейнард Кейнс и его крест. СПб: Пальмира, 2017. 384 с.



водства или централизованной системой планирования и т. п. она не имеет. Предложенная Кейнсом система государственной поддержки инвестиционной составляющей эффективного спроса направлена на оживление рыночной активности, укрепление рынка, пробуждение «звериного чувства» (так Кейнс называл предпринимательский дух, парадоксальное *animal spirits*, в кризисных условиях помогающее преодолеть страх, подтолкнуть мелкого, да и крупного капиталиста к готовности рисковать, несмотря ни на что). В конечном счете Кейнс считал главной задачей создание «среды, необходимой для свободной игры экономических сил, если мы хотим, чтобы они полностью реализовали свой производственный потенциал» [1, р. 379].

При чем же тут социализм или даже социал-демократия? Рыночная позиция в чистом виде. Это даже созвучно «австрийским» текстам, чуть ли не из теорий анархо-капитализма. Но, разумеется, есть кардинальное различие с «австрийцами», из-за которого между кейнсианцами и последователями Людвиг фон Мизеса вот уже несколько десятилетий идет смертельная идейная война, в которой пленных не берут. Для радикально настроенных «австрийцев» любое государственное, пусть даже самое ограниченное, вмешательство есть непростительная измена. Кейнс же предлагал защитить капитализм от самого себя в моменты, когда тот загоняет себя в угол и долго не может из него выбраться. Для быстрого преодоления кризисов с минимальными издержками ему может потребоваться общественная, т. е. государственная поддержка, в частности подпитка инвестициями в тех случаях, когда их смертельно недостает, полагал Кейнс. Он соглашался с тем, что предоставленный сам себе рынок способен в итоге самоизлечиться, но излечение это может иногда затягиваться настолько, что целые поколения оказываются «потерянными» (знаменитое кейнсовское: *в долгосрочном плане мы все мертвы*) [2, р. 80].

Кроме того, затянувшиеся тяжелые кризисы ведут к разрушительным войнам и революциям, велика вероятность торжества тоталитарных моделей общественного устройства, чреватых уничтожением рынка и индивидуальной свободы. А вот именно она была для Кейнса высшей, абсолютной ценностью – чего не видят его критики – как справа, так и слева. Между тем без этой высшей ценности кейнсианство теряет свой глубинный смысл. В своей «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнс указывал: «Индивидуализм, если очистить его от дефектов и злоупотреблений, есть лучшая защита личной свободы в том смысле, что в сравнении с любой другой системой он резко расширяет поле личного выбора. Он же напрасно – лучший защитник многообразия жизни, утрата которого есть величайшая из всех потерь единообразного тоталитарного государства. Ведь именно это многообразие не только сохраня-

ет традиции, воплотившие в себе самые успешные, оправдавшие себя выборы предыдущих поколений, но и украшает настоящее... многообразие это – служанка не только эксперимента, но и традиций и вкуса, оно есть самый мощный инструмент создания лучшего будущего» [1, р. 380].

Насколько воспетый Кейнсом индивидуализм тождествен капитализму? Он неоднократно подчеркивал, что считает «просвещенную буржуазию» лучшим слоем человеческого общества и что он сам рад к нему принадлежать. (Из контекста понятно, что он относит к этой категории средние классы и городскую интеллигенцию.)

В отличие от своих противников Кейнс считал рантье, живущего исключительно на проценты своего капитала и не желающего вкладывать его в производство, вовсе не сущностным проявлением капитализма, а его извращением [1, р. 376]. Но бороться с этим явлением он предлагал вовсе не государственным насилием, а сугубо монетаристскими методами в духе Милтона Фридмена, которого в России многие напрасно считают непримиримым антагонистом Кейнса.

А. Остальский рассказывает, что мысль о том, чтобы написать книгу о Кейнсе, впервые появилась у него именно в тот момент, когда один из близких друзей и единомышленников Фридмена легендарный столп американской финансовой журналистики и многолетний редактор *The Wall Street Journal* Роберт Бартли по-дружески, но достаточно резко дал отповедь таким наивным представлениям. «Тот, кто считает, что Фридмен и Кейнс противоположны и полностью враждебны друг другу, не до конца понимает суть их разногласий», – говорил Бартли, подчеркивая, что Фридмен, при всех спорах и разночтениях, считал Кейнса выдающимся, даже великим мыслителем, был горячим поклонником его ранних работ, особенно «Трактата о денежной реформе» (*A Tract on monetary reform, 1923*), и полагал, что они фактически заложили основы современного монетаризма.

Для А. Остальского, проходившего в 2000 г. стажировку в *WSJ*, слова Бартли прозвучали как гром среди ясного неба. Ведь экономическая и околоэкономическая литература того времени уверенно противопоставляла Фридмена Кейнсу. Считалось не вызывающим никаких сомнений, что уже в 1960-е гг. монетаристы доказали не только полную несостоятельность кривой Филлипса, но и идей ее «прародителя» (т. е. взглядов Кейнса на безработицу и инфляцию), и что эта несостоятельность была затем неопровержимо подтверждена на практике – в период стагфляции 1970-х гг. Казалось, что кейнсианство раз и навсегда разоблачено, а его труды на веки вечные сосланы на пыльные полки в темных углах библиотек. И вдруг – не может быть! – оказывается, Фридмен считает Кейнса своим предшественником, почти ментором, крайне отрицательно

отзывается об австрийской школе, казалось бы, вместе с монетаристами, яростно клюющей наследие Кейнса. Неужели Фридмен и Кейнс чуть ли не союзники в борьбе экономических идей? И кто говорит об этом? Сам великий и ужасный Роберт Бартли, имевший репутацию крайне консервативного экономического журналиста, поклонника рейганомии и *Laissez-faire*, беспощадного обличителя леволиберального наивного этатизма.

Обратившись к первоисточникам, А. Остальский пришел к выводу, что Бартли, видимо, был прав, – по крайней мере, вопрос о взаимоотношениях монетаризма и кейнсианства оказался далеко не черно-белым.

При всем при том разногласия с Кейнсом и особенно посткейнсианством у Фридмена были серьезными и существенными. Он отвергал фискальные стимулы как средство борьбы с рецессиями и депрессиями, в то время как для Кейнса и его последователей они – в числе главных инструментов преодоления кризисных явлений. Кейнс отрекся от количественной теории денег, которая считается первоосновой фридменовского монетаризма. В открытом письме 1933 г. он предостерегал президента Франклина Делано Рузвельта от слепого следования этой теории. «Это все равно, что покупать пояс побольше, надеясь, что это поможет худому поправиться», – писал Кейнс [3, р. 377–379].

Но главные советы, которые дал Кейнс авторам рузвельтовского *New Deal* («Нового курса»), относятся все же именно к арсеналу монетарных средств. Во-первых, постараться устранить чехарду с обменным курсом доллара, дискредитирующую экономическую политику вашингтонской администрации и «похожую на поведение пьяного золотого стандарта». Во-вторых, добиваться снижения ставки процента по среднесрочным и долгосрочным кредитам, обеспечивая тем самым доступность средств для предпринимателей.

Знаменитый американский политический обозреватель Уолтер Липпман сообщил Кейнсу: «Я не знаю, отдаете ли вы себе отчет, какой мощный эффект произвело ваше письмо. Мне стало известно, что оно явилось главной причиной той политики, которую тихо, но эффективно проводит теперь казначейство... снижая процент по долгосрочным облигациям» [4, р. 50].

Неудивительно, что Великая депрессия и последующие за ней годы стали одним из связующих звеньев в повествовании Остальского, ибо они сыграли колоссальную роль в окончательном формировании взглядов Кейнса, а те, в свою очередь, повлияли на выборы приоритетов «Нового курса» и вообще всей последующей макроэкономической политики США и Запада на десятилетия вперед.

В 1936 г. Кейнс опубликовал свой главный теоретический труд – «Общую теорию занятости, процента и денег», ставшую своего рода библией для

его последователей. Однако вытекающие из этого труда практические рекомендации были изложены им еще несколькими годами ранее.

Рецепты «лечения» кризиса содержались не только в открытом письме Рузвельту, но и в публичных выступлениях 1932–1933 гг. и, прежде всего, в произведшей международную сенсацию серии статей в газете *The Times*, опубликованных весной 1933 г. Статьи были приурочены к открывавшейся в Лондоне Международной экономической конференции, созванной как раз для поиска выхода из Великой депрессии, создавшей экзистенциальную проблему для всего человечества. В конференции участвовали 66 стран, и большинство делегатов, если не все, познакомились с содержанием статей Кейнса. Он утверждал, что главное, на чем миру надо сосредоточить усилия, – это обуздание дефляции, пригибающей к земле экономику капиталистического мира, что недостижимо без доступного кредита, без роста денежной массы. А этого, в свою очередь, не добиться без привлечения значительных дополнительных средств.

Кейнс предложил создать своего рода наднациональный центральный банк для координации международных усилий. Этот «банк» должен был бы выпустить специальные сертификаты на сумму 5 млрд дол. США. Приравняемые к золоту сертификаты должны были быть распределены между государствами, позволяя им сбалансировать бюджет и кредитовать новые инвестиции в строительство и промышленность. (Квоты определялись бы золотыми резервами стран по состоянию на осень 1929 г., т. е. до начала кризиса.)

Эти меры были призваны помочь восстановить производство, сократить безработицу, поднять потребительские расходы, создающие в итоге новые инвестиции и рабочие места. Впервые в этих статьях был подробно описан кейнсианский мультипликатор, математически обоснованный любимым учеником Кейнса Ричардом Каном. Смысл его в том, что новые инвестиции создают дополнительные рабочие места, а обретшие заработок рабочие увеличивают совокупное потребление, что, в свою очередь, позволяет создать еще больше рабочих мест и так далее.

С помощью такого наднационального центрального банка и его сертификатов можно было бы надеяться снизить протекционистские барьеры, а значит, и возродить международную торговлю. Тут, конечно, слышно и эхо программы, предлагавшейся Кейнсом для урегулирования проблемы германских репараций в 1919 г. И в то же время виден прообраз будущего Международного валютного фонда с его специальными правами заимствования. Кейнс станет одним из архитекторов этого института, хотя для него это был вариант *second best* – второй после лучшего. Он изначально предлагал создать полноценный международный клиринговый банк, который

выпускал бы специальную валюту для международных расчетов – банкор [5, р. 36–39].

Лишь в 1944 г. на конференции в Бреттон-Вудсе в результате напряженных американско-британских переговоров странам-участницам (всего их было 44) удалось договориться о появлении на свет МВФ и Международного банка реконструкции и развития (МБРР, в дальнейшем – Всемирный банк). Одиннадцатью годами ранее Лондонская экономическая конференция закончилась полным провалом. Не вняв предложениям Кейнса, ее участники ничего не смогли предложить взамен. Делегатам 66 стран оставалось только разъехаться по домам, сдать на милость Великой депрессии и ждать начала всемирной войны.

Понятно, почему теперь, после самого глубокого и опасного кризиса со времени Великой депрессии – кризиса 2008 г., кейнсианство вновь входит в моду. История если и не повторяется буквально, то по крайней мере «рифмуется». А. Остальский утверждает, что именно грамотное и своевременное применение финансовыми властями США и Великобритании кейнсианских рецептов помогло предотвратить худшее (глава «Теперь у нас есть Кейнс!»).

Центральные банки, считает автор «Спасителя капитализма», сделали свое дело – массивные количественные смягчения и фантастически низкие (а иногда и отрицательные) процентные ставки помогли стабилизировать ситуацию, не дать кризису войти в «мертвую петлю» новой Великой депрессии. Однако вырваться полностью из порочного круга стагнации и низкого роста никак не удастся. Правительства не решались до последнего времени последовательно применить кейнсианские рецепты и, воспользовавшись небывалой дешевизной денег, вложить значительные средства в подстегивание экономики. Впрочем, их колебания тоже можно понять: безудержная гонка за ускорением роста тоже может оказаться чревата катастрофическими опасностями, особенно в условиях колоссального, небывалых масштабов госдолга.

Со свойственным ему юмором на грани абсурда, немало украшающим «Общую теорию», Кейнс пишет: «Если бы только деньги можно было выращивать, как зерновые, или производить, как автомобили, депрессий удавалось бы избежать вовсе или, по крайней мере, смягчать их» [1, р. 230–231].

Посткейнсианцы настаивают сегодня, что именно в нынешней ситуации деньги можно почти что «вырастить», а именно взять в долг под ничтожный процент. И пустить их на преодоление последствий кризиса, а заодно и на компенсирование некоторых отрицательных последствий глобализации, ввергнувших западные общества в кризис идентичности.

Поэтому сегодня мы видим совершенно неожиданных «кейнсианцев» – например, Дональда Трампа с его планами широкомасштабных инфра-

структурных проектов или Терезу Мэй, предлагающую от имени правящей партии консерваторов стратегию возрождения промышленности, в центре которой также финансируемые при участии государства крупные проекты.

Был бы всем этим доволен Кейнс? Трудно сказать. Гении на то и гении, считает Остальский, что способны посмотреть на реальность под совершенно неожиданными, непредсказуемыми углами зрения. И удивлять своих закосневших в догме последователей. Конечно, Кейнс сражался в основном против дефляции, видя в ней главную опасность. Логично, что во времена стремящихся к нулю или отрицательных процентных ставок он оказался вновь востребованным. (Кейнс, кстати, никогда не жил в таких обстоятельствах, но предвидел их возможность, писал об этом в «Общей теории».) Но более всего он не любил догматизма, проповедуя здравый смысл. Совершенно неочевидно, что он безоговорочно поддержал бы «кейнсианские» подходы Трампа, учитывая колоссальный размер государственного долга США и планы нового президента параллельно резко снизить налоговые ставки.

Призывая не бояться умеренной инфляции (при условии, что она отражает рост национальной покупательной способности и объемов производства, а не сокращение предложения), Кейнс в то же время предостерегал от гиперинфляционных ситуаций, когда рост цен выходит из-под контроля. Остальский цитирует его знаменитое, саркастическое «Ленин был прав»: «Как говорят, Ленин объявил, что испортить валюту – это лучший способ уничтожить капитализм... По мере роста инфляции курс национальной валюты скачет от месяца к месяцу, и все устоявшиеся отношения между должниками и кредиторами, которые составляют глубинный фундамент капитализма, приходят в такое расстройство, что теряют почти всякий смысл... Нет более тонкого и более верного средства перевернуть основы общества, чем коррумпировать его деньги. Этот процесс приводит в действие все скрытые механизмы законов экономики, начинающие работать на разрушение...» [6, р. 34].

Всемирно известный экономический обозреватель Мартин Вульф (А. Остальский считает его своим наставником) сказал в интервью автору, что наследие Кейнса чрезвычайно трудно классифицировать. «Вероятно, все великие мыслители таковы, что их невозможно подогнать под одно какое-то четкое определение, свести к одной какой-то научной или философской школе. Мы все – кейнсианцы: он источник всего в современной экономической мысли и он же – оппонент всего».

Для Вульфа это – достаточно новая позиция. Когда в 1990-е гг. А. Остальский осваивал азы макроэкономики в редакции *Financial Times*, ее главный экономический обозреватель был поклонником австрийской школы. Но потом его взгляды

стали претерпевать постепенную, но ярко выраженную эволюцию. Кризис 2008–2009 гг. стал последней каплей. Но это, уверен А. Остальский, не беспринципная попытка подстраиваться под переменчивую интеллектуальную моду. Вульф из тех, кто сам эту моду задает. Тут уместно вспомнить еще один знаменитый афоризм Кейнса, который, отвечая на вопрос о разительных изменениях в его воззрениях на макроэкономику, сказал: «Когда данные меняются, я меняю свои выводы. А вы?» [7, р. 19].

Возможно, один из важнейших выводов, к которому приходит А. Остальский в своей книге, состоит в том, что при всей харизматической мощи Кейнса и его идей их обаянию можно и нужно иногда сопротивляться. Кейнс и сам посмеивался над претензиями экономистов на обладание истиной в конечной инстанции, подчеркивал относительность их открытий и озарений. «*Экономиста невозможно уличить в ошибке, можно только его переубедить*», – говорил он [8, р. XIII].

Подробно рассказывая о знаменитой (и увлекательной) интеллектуальной дуэли между Кейнсом и фон Хайеком, автор отказывается назвать в ней победителя. Хайек полагал неприемлемым любое усиление роли государства в экономике, считая его главной причиной экономических проблем, угрозой свободе. Кейнс же тоже был поклонником индивидуализма и свобод, включая свободу предпринимательства, но утверждал, что всякая крайность, в том числе свобода без берегов, может обернуться своей противоположностью. «*Возможно, правы те, кто считает: в истории экономической мысли не было более важного, более полезного спора... Да и сам Кейнс придерживался похожей точки зрения. Споря с Хайеком, он в то же время признавал за ним силу блестящего интеллекта и талант полемиста, сильно обогатившего экономическую и политическую мысль современного Запада*», – пишет Остальский.

В предисловии к книге научный руководитель НИУ «Высшая школа экономики» Е. Г. Ясин (кстати,

поклонником кейнсианства вовсе не являющийся) высоко оценил ее познавательность и посоветовал «внимательно» ее читать. Он пишет: «Вы познакомьтесь с яркими событиями и людьми XX в., сыгравшими огромную роль в истории». Действительно, перед читателем книги Остальского пройдет череда ярких портретов экономистов и мыслителей разных школ, включая в том числе и одного из главных критиков и идейных противников Кейнса Роберта Лукаса. Автор заинтригован такой необычной фигурой, как Хайман Мински (он расскажет, почему в наше время многие говорят с придыханием о «моменте Минского»). Читатель узнает о и блистательном, невероятном, загадочном кейнсианце Джордже Шекле и о высокоодаренном, до сих пор имеющем немало поклонников Аббе Лернере, эффектно развенчанном и пригвожденном к позорному столбу экономических заблуждений теми же монетаристами.

Книга, особенно ее первая часть, местами читается почти как триллер. Может сложиться ощущение, что, стремясь упростить, помочь пониманию идей Кейнса, автор порой увлекается (глава «Моралите по мотивам кейнсианства») и, с точки зрения серьезных экономистов, слишком смело обращается с такими категориями, как эффективный спрос, процентная ставка и безработица. Но ведь книга написана в первую очередь для широкой публики, поэтому такая степень упрощения, быть может, оправдана или даже необходима.

В начале этой рецензии было отмечено, что автор книги изначально поставил перед собой непростую и даже дерзкую задачу – сказать свое слово о Кейнсе, не конкурируя при этом с десятками исследований о великом экономисте, написанными профессионалами и, как правило, для профессионалов. Хочется верить, что Андрею Остальскому удалось достойно справиться с этим нелегким вызовом и его «Спаситель капитализма» непременно найдет своего читателя.

Список литературы

1. *Keynes J. M.* The General Theory of Employment, Interest and Money. A Harvest Book / Harcourt, Inc. San Diego, New York, London, 1936.
2. *Keynes J. M.* A Tract on Monetary Reform. London: Macmillan, 1923.
3. *Keynes J. M.* The Essential Keynes. London: Penguin Random House, 2015.
4. *Skidelsky R.* John Maynard Keynes 1883–1946. Economist, Philosopher, Statesman. New York: Penguin books, 2005.
5. *Keynes J. M.* Proposal for an International Currency Union. URL: <https://www.singleglobalcurrency.org/documents/DARformingtheGlobalFinancialArchitecturehyper.pdf>. P. 36–39.
6. *Keynes J. M.* Essays in Persuasion. New York: Classic House Books, 2009.
7. The Economist, 1983. Vol. 287.
8. *Davidson P.* Great Thinkers in Economics, John Maynard Keynes. Palgrave Macmillan, 2007.